РАЗДЕЛ XXIV. ФИЛОСОФИЯ

Кучеренко А.В.

Априорная основа нравственности в этическом учении И. Канта

*ГОАУ ВО Курской области «Курская академия государственной и муниципальной службы»
(Россия, Курск)*

doi: 10.18411/trnio-09-2021-104

Аннотация

С этической точки зрения мы постоянно выносим оценки нравственного или безнравственного поведения субъектов отношений (межличностных, межгрупповых, межконфессиональных, межнациональных и межгосударственных). Кант видит основу для возможности таких оценок в существовании универсального априорного морального закона, сочетающего в себе совокупность общезначимых норм поведения.

Ключевые слова: априорность, моральный закон, этика, свобода, доказательство.

Abstract

From an ethical point of view, we constantly make assessments of the moral or immoral behavior of the subjects of relations (interpersonal, intergroup, interfaith, interethnic and interstate). Kant sees the basis for the possibility of such assessments in the existence of a universal a priori moral law that combines a set of generally valid norms of behavior.

Keywords: a priori, moral law, ethics, freedom, proof.

С точки зрения И. Канта свобода воли указывает на реальность априорного морального закона (есть условие проявления факта его существования, определения его содержания и объема), а он, в свою очередь, порождает идею Бога как его создателя. Если же моральный закон независим от Бога, то не остается ни одной возможности, по мысли Канта, достаточно убедительно доказать и обосновать идею существования Бога.

Ю.В. Перов выдвигает на первый план кантовское содержание понятия свободы воли, определяющее принадлежность человека и его сознания к двум мирам, – феноменальному (эмпирическому) и ноуменальному (умопостигаемому). Моральный закон, указывает Ю.В. Перов, предполагает отрицание свободы выбора при соблюдении условия беспрекословного повиновения воли нормам морального закона. Следует отметить, что только тот, кто действует в соответствии с моральным законом, достигает и моральную свободу. Поскольку философское понимание свободы состоит в том, что свобода есть познанная необходимость, то в роли необходимости здесь выступает моральный закон и поэтому термин «необходимость» приобретает смысл «закона». Следовательно, свобода есть там, где субъект познал нравственный закон, а поскольку этот закон Кант считает объективным (божественным) законом, то, соответственно, познал и закон объективного мира.

Кант соединяет идею свободы с природой через этикотеологию, – отмечает Ю.В. Перов, – а затем с Богом и бессмертием. Т.И. Ойзерман, следуя архитектонике кантовской метасистемы, выводит на первый план это моральное доказательство бытия Бога в его этикотеологии, а саму этикотеологию возвышает над спекулятивным разумом, направленным на познание объектов природы. К.А. Сергеев подчеркивает, что чувство уважения к моральному закону произрастает не из эмпирического чувства, а из разума. Х. Хофмайстер задается риторическим вопросом о двойственном отношении Канта к антропоморфизму, – как можно одновременно, считает он, сочетать его бичевание с его же провозглашением? И.А. Протопопов считает, что вопрос о бытии Бога представляется Канту основным вопросом для определения возможности существования самого разума, а на разуме, как известно, сосредотачивается вся его философская система, в том числе и этика.

Л.А. Калинин ставит вопрос о необходимости рассмотрения каждого кантовского положения через призму всей его метасистемы, отмечая при этом, что «система Канта не сравнима по сложности ни с одной из известных нам вплоть до настоящего времени систем» [1, с. 60].

Прежде чем приступить к непосредственному рассмотрению проблем, связанных с кантовской этикой, следует предварительно остановиться на осмыслении герменевтических препятствий, имеющих при освоении текстов Канта. Сама его этика, и это следует признать как непреложный факт, все еще находится в процессе ее освоения, находясь в состоянии ожидания решения целого ряда вопросов.

Именно поэтому вопрос о возможности адекватного прочтения Канта следует поставить на первое место, прежде чем непосредственно приступить к осмыслению составных частей и системы кантовской этики, объективно оценив всю сложность предстоящего начинания.

Опыт изучения его философского наследия на протяжении двух веков свидетельствует о появлении множества различных вариантов определения смыслового содержания одного и того же текста, принципа и характера решения Кантом одной и той же проблемы при попытках подведения под эти варианты их авторами достаточного, на их субъективный взгляд, обоснования. Ю.В. Перов так оценивает эту ситуацию: «Тексты его работ не дают оснований для безусловного предпочтения одной из интерпретаций “образа Канта”, поскольку сторонники конкурирующих версий имеют возможность опираться на одни и те же авторские формулировки» [2, с. 209].

В кантоведении до сих пор существуют «скользкие» темы и своеобразные «камни преткновения», которые исследователи его творчества старательно предпочитают обходить или указывать на них как бы издали. Для этого есть целый ряд объективных и субъективных причин, многие из которых уже нашли для себя достаточно точные определения.

Что представляют собой эти «скользкие темы», причины уклонения от их рассмотрения и феномен появления многовариантности при прочтении исходного кантовского текста?

К ним можно отнести, во-первых, раскрытие причины двойственного отношения Канта к соотношению морали и религии. При изъятии из рассмотрения данного вопроса кантовского морального доказательства бытия Бога, имеющего для него самого исключительное значение, данная проблема становится в принципе неразрешимой. Зачем ему вдруг понадобилось это «доказательство», если уже есть «постулирование» и чем отличается тогда постулирование от доказательства? Почему он относит к практическому разуму постулирование и доказательство? Между тем следует отметить, что целый ряд фундаментальных исследований зарубежных и отечественных авторов, посвященных теме кантовской этики, либо вовсе предпочитают придавать доказательство забвению или всего лишь одной строчкой упоминают о нем как бы мимоходом. Так, например, случилось с достаточно объемной работой Э. Кассирера «Жизнь и учение Канта», где оно отсутствует даже в специальной главе, посвященной «Критике способности суждения», хотя именно здесь данное доказательство обстоятельно представлено в развернутом виде. Это игнорирование морального доказательства ведет к тому, что в дальнейшем без его учета становится проблематичным рассмотрение преемственной связи между этикой и социальной философией при потере в этом сочетании множества сопутствующих значений.

Во-вторых, можно говорить и о еще не возникшей в поле зрения исследователей проблеме двусмысленности кантовской характеристики соотношения категорического императива и морального закона, а если категорический императив есть моральный закон, то как нам относиться к многократно повторенному Кантом утверждению, что моральный закон записан в сердце каждого человека и что есть моральные законы? Мы, конечно же, можем отвлекаться от кантовского суждения о том, что моральный закон записан Богом в сердце каждого человека, но так ли это маловажно для этикотеологических убеждений

Канта? Вопрос о соотношении категорического императива и морального закона, допускает варианты объединения и разъединения данных понятий. Если практический разум в пределах опыта способен определять общезначимые нормы опираясь лишь на свою чистую форму, то тогда, причем здесь этический априоризм (отвлекающийся от всех эмпирических условий) и моральное доказательство бытия Бога?

В-третьих, тема особенности кантовского антропоморфизма, осторожно затронутая в риторическом вопросе Х. Хофмайстера о двойственном отношении к антропоморфизму Канта никогда не найдет для себя решения без опоры на моральное доказательство. Действительно, Кант обрушивается с критикой на антропоморфизм, но сам допускает и последовательно проводит его в своих рассуждениях, перенося его из докритического периода в критический. Чем это может быть обусловлено и в чем специфика кантовского антропоморфизма? Как соотносится, например, антропоморфная материальная этика М. Шелера с априорной этикой Канта, связанной с антропоморфизмом?

В-четвертых, достаточно четкий кантовский смысл значений конститутивности и редукции, имеющий решающее значение для анализа деятельности спекулятивного и практического разума, размытый в неокантианстве установлением значительно более широких границ для их употребления, через феноменологию проник в современную философию и прижился в ней, значительно ослабив степень первоначальной кантовской определенности данных понятий. Не теряем ли мы при этом так необходимых в философских размышлениях признаков, отличающих регулятивный принцип от конститутивного? Этот вопрос о регулятивных и конститутивных принципах, рефлексии и редукции, имеющих свои особые характеристики и ограничения для теоретического и практического разума, непосредственно относится к возможности достоверного определения содержания общезначимых моральных норм. Но достаточно ли хорошо он рассмотрен в современной кантоведческой литературе или пока еще отсутствует в ней как некий пробел?

Пятое. В чем заключен источник понятия всеобщего, и каково его значение для философии Канта, касающегося процесса познания, этики, эстетики и учения об обществе?

Шестое. Спонтанность воли часто понимается интерпретаторами как ее необусловленность, но таково ли понимание ее содержания у Канта? Возможна ли вообще необусловленность движения воли, лишенная какого-либо основания?

Седьмое. Насколько соответствует этика Канта современным вызовам общественной жизни, дуализму права (изменчивости и устойчивости) и перспективным признакам трансформации человеческой истории?

Список проблем и вопросов, окутывающих кантовскую этику, можно было бы продолжить.

Мне представляется, что учение Канта не прошло еще ступени апологетики, заключающейся в нахождении и описании несметного числа фактов, подтверждающих справедливость отдельных положений его учения, поскольку сам Кант нуждался в популяризации своих взглядов, стремясь сделать свое учение понятным и соответствующим действительному процессу деятельности сознания. Уроки Канта еще нами не осмыслены и не освоены в полной мере. И, поскольку его учение покоится на прочном фундаменте априорности, оно должно иметь, по замыслу самого Канта, перспективу для своего развития в областях теории познания, этики, эстетики и социальной философии.

Происходит нарастание претензий к неокантианству и феноменологии Гуссерля в связи с их отношением к учению Канта теми, кто углубленно занимается изучением принципиальных кантовских положений.

Особо острый критический взгляд на неокантианство представлен в вышедшем сборнике «Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры», где утверждается о том, что самопровозглашенные последователи Канта на самом деле являются его оппонентами и их «неокантианство» следует переименовать в «некантианство» фихтеанского толка. Наряду с этим уместно будет напомнить негативное отношение самого Канта к учению Фихте в его работе «Заявление по поводу наукоучения

Фихте», где он заявляет, что считает «наукоучение Фихте совершенно несостоятельной системой» [3, с. 263].

1. Калинин Л.А. О необходимости переоценки неокантианства в свете современной интерпретации системы И. Канта / Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры. – М. – 2010. – С. 56-66.
2. Перов Ю.В. Кант о способности суждения в контексте природы и свободы, сущего и должного / Ю.В. Перов, К.А. Сергеев, Я.А. Слинин. Очерки истории классического немецкого идеализма. – СПб: Наука. – 2000. – С. 207-267.
3. Кант И. Заявление по поводу Наукоучения Фихте / Собрание сочинений. В 8 т. Т. 8. – М., 1994. – С. 263-264.

Ушаков Е.В.

Моральные аспекты качества жизни как базисного понятия современной медицины

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(Северо-западный институт управления)
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/trnio-09-2021-105

Аннотация

Статья посвящена концепциям качества жизни в современной биоэтике. Качество жизни является одной из ключевых категорий медицины. Имеются расхождения в интерпретации качества жизни в медицинской науке и практике. Обсуждаются две концепции, связанные с данным понятием. Делается вывод о безусловной значимости качества жизни для медицинской сферы и необходимости дальнейшего обсуждения и развития этого понятия.

Ключевые слова: качество жизни, биомедицина, биомедицинская этика, философия медицины, моральные основания медицины, медицинские вмешательства.

Abstract

The article is devoted to the concepts of the quality of life in modern bioethics. Quality of life is one of the key categories of medicine. There are discrepancies in the interpretation of the quality of life in medical science and practice. Two concepts related to this concept are discussed. The conclusion is made about the unconditional importance of the quality of life for the medical sphere and the need for further discussion and development of this concept.

Keywords: quality of life, biomedicine, biomedical ethics, philosophy of medicine, moral foundations of medicine, medical interventions.

Медицинские вмешательства оказывают на человека комплексное воздействие. Они влияют не только на физиологическое состояние организма (что оценивается с помощью лабораторно-клинических показателей), но и на общее состояние и самочувствие пациента, его работоспособность, настроение и т.п. Суммарное влияние на пациента может быть как положительным, так и отрицательным. Например, агрессивное лечение может сопровождаться такими серьезными побочными эффектами, что в известном смысле может оказаться хуже, чем само заболевание.

В начальный период успехов современных медицинских технологий (примерно в 50 - 60-е годы XX в.) медицинское сообщество было увлечено сугубо техническими достоинствами новых медицинских методов. Однако постепенно ситуация стала изменяться в связи с растущим осознанием необходимости дополнить систему взглядов о пользе медицинского вмешательства более широкой картиной, в том числе учитывающей точку зрения самого больного.

Официальное определение ВОЗ гласит, что качество жизни — это «восприятие индивидами их положения в жизни в контексте культуры и систем ценностей, в которых они